

**ЭЛЕКТРОННЫЙ «СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
ПЕРМСКОГО КРАЯ» КАК ОСНОВА
ДЛЯ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
НОМИНАЦИИ РУСАЛКИ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Мария А. Гранова

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

ORCID ID: 0000-0002-2577-6652

marjanaandreeva@mail.ru

Пермь, Россия

Ключевые слова: Пермский край, русские говоры, лингвогеография, ареальные исследования, электронный словарь, мифологическая лексика, русалка

Аннотация. Статья демонстрирует возможности применения электронного «Словаря мифологической лексики Пермского края» в лингвогеографических исследованиях: в ареальном аспекте рассмотрены номинации русалки, отмеченные на территории региона. С помощью словаря создана соответствующая лингвистическая карта. Проведенный анализ показал, что наибольшее распространение в крае получила общерусская единица *русалка*, которая фиксируется практически во всех районах. Отдельные ареалы образуют лишь некоторые номинации (*чертовка, лешачиха, водяная, шиишига, полудница*). Остальные названия носят локальный характер. Отсутствие названий русалки, общих для всей пермской территории, и наличие множества локальных номинаций свидетельствуют о постепенной утрате представлений об этом персонаже. Общность региональной традиции поддерживается лишь на уровне отдельных мифологических верований, а не языка. К числу таких поверий, нашедших отражение в номинациях русалки, относятся представления о ее демонической природе, месте ее обитания, наличии у нее длинных волос, запрете называть ее прямым именем и необходимости ее задабривать. Преимуществом электронного «Словаря мифологической лексики Пермского края» при создании лингвистической карты является возможность идти как от вокабулы (через раздел «Мифологический персонаж»), так и от географической пометы (через раздел «Географический указатель лексических единиц»). Оба подхода позволяют составить карту быстрее, чем при работе с бумажным словарем, поскольку электронный словарь дает возможность автоматически получить перечень всех картографируемых единиц.

**THE ELECTRONIC DICTIONARY “THE MYTHOLOGICAL
VOCABULARY OF THE PERM REGION”
AS A BASIS FOR LINGUO-GEOGRAPHIC RESEARCH:
NOMINATIONS OF THE MERMAID IN AN AREAL PERSPECTIVE**

Mariia A. Granova

Perm State University

ORCID ID: 0000-0002-2577-6652

marjanaandreeva@mail.ru

Perm, Russia

Keywords: The Perm Region, Russian dialects linguogeography, areal studies, electronic dictionary, mythological vocabulary, mermaid

Summary. The paper demonstrates the possibilities of using the electronic dictionary “The Mythological Vocabulary of the Perm Region” in linguo-geographical research: in the areal aspect, nominations of the mermaid that have been noted in the region are considered. A corresponding linguistic map has been created with the help of the dictionary. The analysis shows that the all-Russian unit *rusalka* is the most widespread one in the region and has been recorded in the majority of its districts. Some areas form special nominations (*chertovka*, *leshachikha*, *vodianaia*, *shishiga*, *poludnitsa*). The rest of the names are local. The absence of names for the mermaid, common to the entire Perm territory, and the presence of many local nominations indicate the gradual loss of ideas about this character in the Permian mythological tradition. The commonality of the regional tradition is maintained only at the level of individual beliefs, not the language. Beliefs that are represented in the nominations of the mermaid and support the integrity of her image in the region include ideas about her demonic nature, her place of residence, the presence of her long hair, the prohibition to call her by her direct name and about the need to appease her. The advantage of the electronic dictionary “The Mythological Vocabulary of the Perm Region” when creating a linguistic map is the ability to go both from the vocabulary (through the section “Mythological character”) and from the geographical label (through the section “Geographic index of lexical units”). Both approaches make it possible to compile a map faster than when working with a paper dictionary, since the dictionary makes it possible to automatically either get a list of all mapped units, or not to refer to dictionary entries at all, but to work only with geographical labels.

В современной науке одним из основных подходов к изучению мифологических традиций различных территорий и лексики языка, отражающей архаические мифологические верования как элементы традиционной культуры, являются ареальные исследования. Подобные

исследования, в частности, проводятся учеными-этнолингвистами Московской школы. Так, Л.Н. Виноградова использует ареальный метод в своей работе (Виноградова, 2000) при анализе представлений о русалке в восточнославянской, польской, сербской и болгарской традициях. При этом она сравнивает не только названия персонажа на данных территориях, но и весь комплекс связанных с ним верований (в соответствии со схемой описания мифологического персонажа (Виноградова, Толстая, 1989)). Другой исследователь Московской школы – Е.Е. Левкиевская – в своей докторской диссертации делает попытку этнолингвистического картографирования восточнославянского домового (Левкиевская, 2007). На карты нанесены как мифологическая лексика (названия персонажа), так и различные признаки и функции демона как элементы мифологических представлений о нем. С применением ареального метода изучается мифологическая лексика, связанная и с иными сферами народной культуры. К числу таких исследований отнесем работы, посвященные свадебному обряду (Гура, 2011), народной зоологии (Журавлев, 1994; Гура, 1997), народному календарю (Агапкина, 2002; Толстая, 2005), этническим стереотипам (Белова, 2006).

Среди собственно лингвогеографических проектов можно указать, во-первых, «Полесский этнолингвистический атлас» (ПЭЛА) (см. о нем в (Толстая, 2007)), который разрабатывался в рамках Московской школы этнолингвистики. В основе концепции этого атласа – тезис Н.И. Толстого о диалектном характере народной культуры, наличии множества самобытных локальных традиций. В качестве объектов картографирования здесь выступает не только лексика, но и элементы предметного и акционального кодов культуры, что согласуется с общим подходом к реконструкции народной культуры, принятым московской этнолингвистикой. Программа-вопросник ПЭЛА (Программа, 1983) включала разделы, посвященные всем сферам народной культуры, в том числе народной демонологии, а также иным мифологическим представлениям. Названный атлас не был издан, однако большое количество карт опубликовано в сборниках серии «Славянский и балканский фольклор» (см. (СБФ, 1986; СБФ, 1995)). Среди этих карт есть и такие, которые посвящены мифологии: так, в (СБФ, 1995) имеются карты, описывающие лексические единицы, связанные с домовым, названия водяного, распределение по территории Полесья способов святочных гаданий; в (СБФ, 1986) содержатся карта разновидностей обряда пахания дороги для вызывания дождя, распределения использования разных видов животных в этом обряде, названия сретенской и четверговой свечей и т.д.

Второй проект – «Лексический атлас русских народных говоров» (ЛАРНГ) – посвящен картографированию собственно диалектной лексики. Концепция атласа разработана И.А. Поповым (см. (Попов, 1974)) и предполагает системный подход к материалу: атлас позволяет не только полностью представить диалектные различия русских говоров, но и изучать системные связи слов – как в рамках отдельных семантических групп, так и в рамках одного ареала. Программа сбора сведений для атласа была создана в 1994 г. (см. (Программа, 1994)), в нее вошли лексические, лексико-словообразовательные, словообразовательные и семантические вопросы, касающиеся лексики всех сфер крестьянской жизни, в том числе относящиеся к области традиционной народной духовной культуры, включая народные верования. К настоящему времени издан пробный том ЛАРНГ (2004), где представлены основные типы карт (лексические, лексико-словообразовательные, словообразовательные, семантические, мотивационные, номинативные и лексико-этнографические) и уточнены теоретические принципы составления атласа. Вышел и первый том атласа «Растительный мир» (2017). Однако мифологическая лексика еще ждет своего картографирования.

Электронный «Словарь мифологической лексики Пермского края», который разрабатывается автором настоящей статьи в рамках диссертационного исследования, может служить удобным инструментом для создания лингвогеографических карт, описывающих мифологическую лексику, функционирующую в русских говорах региона. Словарь описывает лексические единицы, связанные с духами-«хозяевами» различных локусов (дома, бани, леса, воды и т.д.). Источниками материала для словаря послужили данные фольклорного архива лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. доц. С.Ю. Королёва) при кафедре русской литературы и диалектологического архива лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. доц. И.И. Русинова) при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Материалы¹), фольклорно-этнографические сборники, посвященные локальным традициям Пермского края, и диалектные словари, описывающие лексику русских говоров данного региона (см. список источников).

---

¹ Материалы фольклорного и диалектологического архивов Пермского государственного национального исследовательского университета [Folklore and dialectological archive of the Perm State University], Пермь.

Словарь организован в форме сайта на базе ПО WordPress. Сайт содержит 7 основных разделов: главную страницу со вступительной статьей к словарю; **Алфавитный указатель**, в котором словарные статьи расположены в алфавитном порядке; идеографическую часть – раздел **Мифологический персонаж**, где словарные статьи организованы по тематическому принципу в соответствии с пунктами схемы описания мифологического персонажа, предложенной Л.Н. Виноградской и С.М. Толстой (Виноградова, Толстая, 1989); **Географический указатель лексических единиц**, в котором статьи сгруппированы по районам записи их вокабул; **Указатель мотивов**, где планируется разместить указатель мотивов к мифологическим рассказам, используемым в словаре в качестве иллюстраций; вспомогательную часть **Метаданные**, где содержится информация о текстах, использованных в качестве материала для словаря (здесь три подраздела: **Список информантов**, **Список собирателей** и **Список источников**); страницу **Контакты** с данными разработчиков для обратной связи с пользователями. В словаре реализовано несколько принципов организации лексики (алфавитный, идеографический и лингвогеографический), а также имеется специальная форма для полнотекстового поиска данных, что позволяет искать информацию по различным параметрам.

Словарная статья в электронном словаре включает следующие элементы: заголовочное слово, грамматические пометы, толкование (лингвистического типа с этнографическим комментарием), иллюстрации (развернутые диалектные тексты), а также – после каждого иллюстративного контекста – территориальные пометы (указание района и населенного пункта, где зафиксированы иллюстративные контексты) и метаданные (номер текста в словаре; номер информанта, номер собирателя, сокращенное название источника текста с гиперссылками на **Список информантов**, **Список собирателей** и **Список источников** соответственно).

Электронная форма описываемого словаря и принципы его организации обуславливают преимущества этого продукта перед традиционными бумажными словарями мифологической лексики (см., напр., издания «Русский демонологический словарь» (Новичкова, 1995), «Новая АБЕВЕГА русских суеверий» (Власова, 1995), «Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Часть 1. Люди со сверхъестественными свойствами» (ЭСМРПК) и др.). Так, электронный словарь может включать неограниченный объем данных, поэтому возможно постоянно пополнять его новыми данными; позволяет пользователям искать словарные статьи в автоматическом

режиме и по различным параметрам (по вокабуле, ее географическим пометам, информантам, собирателям, источникам, полному тексту словаря); являются доступным для широкой аудитории (включая ученых из различных городов и стран) за счет размещения в сети Интернет. Кроме того, словарь позволяет представить каждую описываемую лексическую единицу в ее системных связях с другими единицами и осуществлять различные по тематике и направленности исследования мифологической лексики русских говоров Пермского края, связанной с духами локусов. В частности, этот электронный продукт может служить базой для ареального изучения мифологических лексических единиц и создания лингвогеографических карт.

Для демонстрации этого положения мы осуществили ареальное исследование номинаций русалки, функционирующих в пермских говорах. Отметим, что созданный электронный словарь позволяет реализовать различные подходы при составлении соответствующей карты. Во-первых, можно воспользоваться алфавитной частью словаря, т.е. идти от самой лексической единицы. Так, пользователь может перейти в раздел **Мифологический персонаж** → **Дух реки** → **Названия** → **Наименования** и в автоматическом режиме получить список всех номинаций русалки, зафиксированных в регионе. Затем следует поочередно переходить к каждой словарной статье из списка и, обращая внимание на территориальные пометы, приводимые после иллюстративных контекстов, отражать эти данные на карте. При использовании этого подхода ученый освобождает себя от утомительной процедуры отбора материала методом сплошной выборки, что имело бы место, если бы словарь был бумажным. Таким образом, этот подход позволяет значительно сократить время, необходимое для составления карты.

Во-вторых, можно идти от территориальных помет, а не от вокабулы. Для работы таким способом необходимо перейти в раздел **Географический указатель лексических единиц**. В этом случае карта будет составляться по отдельным районам (для более точной географической привязки единицы можно пользоваться указателями по отдельным населенным пунктам). При этом подходе необходимо поочередно переходить к каждому из районов (либо населенных пунктов) и отбирать из открывшегося списка названия русалки, заносая их на карту. Для ускорения поиска единиц можно параллельно открыть подраздел **Наименования русалки** (как было описано выше) и сопоставлять его данные с данными раздела по каждому району (населенному пункту).

Кроме того, фрагменты контекстов, приводимые далее для иллюстрации функционирования в пермских говорах той или иной единицы, также автоматически скопированы нами из статей словаря вместе с территориальными пометами и данными об источниках. Отметим, что это тоже значительно упрощает и ускоряет исследовательскую процедуру по сравнению с работой с бумажными источниками, когда каждый необходимый контекст набирается ученым вручную.

Ниже представлена карта названий русалки, составленная по материалам электронного словаря (см. *Илл. 1*). Необходимо сделать несколько замечаний относительно условных знаков, использованных при составлении этой карты. Внешняя форма значка показывает корень; внутренняя незалитая фигура – второй корень сложного слова; верхняя фигура-диакритик – корень зависимого слова, если номинация представляет собой словосочетание; залитые черным внутренние фигуры внутри внешних основных основ и фигур-диакритиков – аффиксы. Преимуществом такой системы помет является то, что она позволяет отражать не только лексические (синонимические), но и структурные и словообразовательные особенности картографируемых единиц, что отвечает традициям лингвогеографических исследований, в том числе правилам составления карт, принятым в ЛАРНГ.

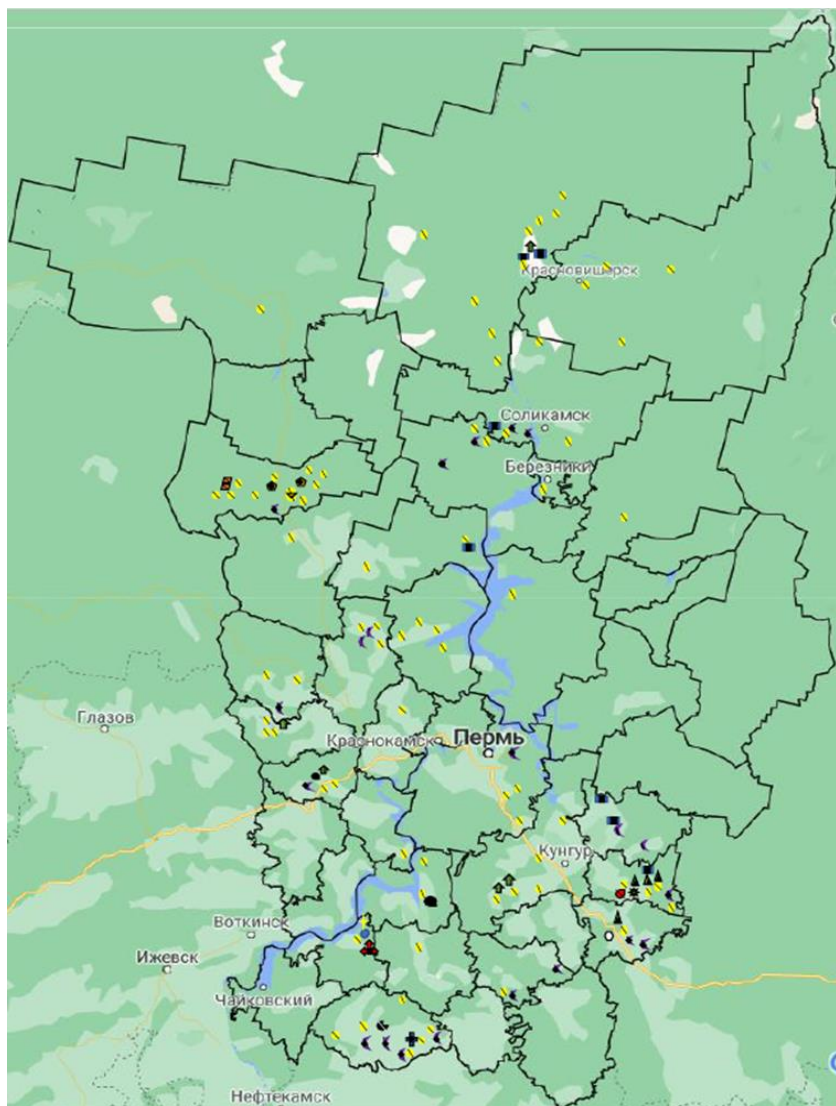
Анализ созданной карты позволяет сделать следующие выводы относительно ареалов бытования номинаций русалки в Пермском крае.

Наиболее распространена на территории региона номинация русалка: *У русалки, говорят, волос зелёный. Видали на мельнице, сидит, чешет их гребнем* (Пожва Юсьв.) (Русские: 231); *Русалки на деревьях будто бы сидели и чесали волосы* (Чердынъ) (ББ: 42); *Русалки показываются. <...> Если покажется, то в жизни чё-то плохое будет* (Верх-Язьва Краснов.) (ВС: 31); *Мельницы были в Колесухе, Ярилове, Петровке. Говорили, что там была русалка. Мельник знал эту русалку* (Б. Кусты Куед.) (КБ: 21); [А о русалках что-нибудь слышали?]² *У нас видели их, они на берегу сидят и чешутся. Они очень красивые, раньше говорили, что русалки – это дети, которых родители проклинали* (Первомайский Сив.) (Материалы). Такое положение, вероятно, обусловлено тем, что данная единица носит общерусский и – шире – общевосточнославянский характер. Ср.: «В.-слав. термин *русалка* связан с др.-рус. названием языческого весеннего праздника *русалия* (из лат. *Rosalia* ‘праздник роз, посвященный умершим’ <...>)» (Виноградова, 2009: 495). Таким образом, эта номинация отражает представления о

---

² Внутри иллюстративных контекстов в квадратных скобках приведены вопросы собирателей.

времени появления персонажа в мире людей, о периоде его возможных контактов с человеком.

Илл. 1. Названия русалки и их распространение на территории Пермского края.

Номинации русалки							
	Бес		Лешачиха		Подружка		Чертиха
	Водяная		Лобаста		Полудница		Чертовка
	Водяная русалка		Мать-русалка		Росомаха		Шайтанка
	Водяная шишига		Некошшой		Русалка		Шишига
	Волосатка		Нечисть		Черташка		Шутовка
	Кикимора						

Следующими по степени распространенности на территории региона являются номинации, образованные от названий других мифологических персонажей: *чертовка*, *лешачиха*, *водяная* и (*водяная русалка*) *шишига*, *полудница*. Номинации *чертовка* и *шишига* восходят к названиям черта, который представляет собой «продукт взаимодействия церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителе абсолютного зла, и архаических народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве», поэтому в народной культуре черт воспринимается «как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» (Березович, Виноградова, 2012: 519). Единицы *лешачиха* и *полудница* восходят к названиям духов других локусов: лешачиха – это либо женская ипостась лешего, либо его жена (Левкиевская, 2004: 106), сближение образов лешачихи и русалки может быть вызвано тем, что, по народным представлениям, русалка может появляться в лесу, сидеть на деревьях (Виноградова, 2009: 495); полудница – «женский мифологический персонажа, персонифицированное выражение полудня как опасного для человека пограничного времени суток», она «сочетает в себе черты солярного духа, связанного с летним солнечным светом и жаром; сезонного демона, проявляющего себя в период цветения и созревания хлебов и влияющего на вегетацию растений» (Левкиевская, 2009: 154); последнее сближает полудницу с русалкой, поскольку русалка также может в виде длинноволосой женщины появляться в летнее время (троицко-купальский период) в злаковом поле и влиять на вегетацию растений (Виноградова, 2009: 495, 497). Все рассмотренные названия русалки, происходящие от номинаций демонов, указывают на вредоносную, демоническую природу самой русалки.

Отметим, что на территории Пермского края самое большое распространение получила единица *чертовка*: *Мужик, помню, рассказывал. Идёт он вечером, смотрит, на колодце жееница сидит, волосы чешет. <...> Чертовка, говорит, это была* (Касиб Сол.) (Материалы); *Чертовка сидит на камню, волосы чешет. А потом плеснула хвостом-то, и в воду* (Торговище Сукс.) (СРГЮП 2: 339).

Единица имеет три ареала: юго-восточный (самый большой), включающий Куединский, Уинский, Суксунский, Кишертский районы; центральный (имеющий дискретный характер), в который входят Пермский, Сивинский и Очёрский районы, и северный (тоже дискретный), в который входят Соликамский, Усольский и Юрлинский районы.

Три ареала также имеет единица *лешачиха* – северный (Чердынский район), западный (Верещагинский и Очёрский районы) и южный (Кунгурский район): *Водяная-то есь, водяная, как это, русалка, водяная русалка, лешачиха. Дак вот, а кто иё видел? Иё тоже эть никто не видел. Лешачиха – водяная русалка* (Чердынь) (СРГСПК 1: 253); *Однажды мы жали, когда отработались, пошла я на реку умываться по сходям, пенькам. Смотрю: лешачиха сидит, волосы чёрные, длинные; вдруг она падёт в пруд, только волны раздались* (Талачик Кунг.) (Материалы). Номинация *ишиига* отмечена на юге края, в Кишертском и Суксунском районах: *Шишигу, русалку, я сама видала. Пошла я в Суксун на рынок. Если б я раньше видала, что пня не было. Вдруг сбулькало. Дак только волосы по Сылве чёрные-чёрные* (Меча Киш.) (Там же). Название *полудница* отмечается в Соликамском и Кишертском районах: *Полудница-от в речке живёт. Одна баба пошла вечером бельё на речку мыть-от. Так и пропала вовсе. Чё ли полудница утащила её* (Касиб Сол.) (Там же).

Единица *водяная* тоже имеет несколько ареалов на территории Пермского края: северный – дискретный (Чердынский, Соликамский и Юсьвинский районы) и южный (Берёзовский район). Приведем контекст: *Водяная, дак говорят, что черташка. Она выходит, выходит на берег, голову чешет. Это видали её* (Берёзовка) (СРГЮП 3: 351). Эта номинация указывает на локус персонажа: русалка – «вредоносный дух, появляющийся в летнее время в виде длинноволосой женщины <...> у воды, способный зашекотать человека насмерть или утопить в воде» (Виноградова, 2009: 495).

Итак, мы рассмотрели номинации русалки, имеющие ареалы распространения на территории Пермского края. Остальные названия, зафиксированные в регионе и включенные в электронный словарь, являются принадлежностью отдельных локальных традиций.

Так, в Чердынском районе, помимо общерусской номинации *русалка*, встречается вариант *водяная русалка*: *Водяная-то есь, водяная, как это, русалка, водяная русалка, лешачиха. Дак вот, а кто иё видел? Иё тоже эть никто не видел. Лешачиха – водяная русалка* (Чердынь) (СРГСПК 1: 253). В другом северном районе края – Юрлинском – встречается также вариант *мать-русалка*: *У меня девки-то все смеюша,*

девки-то, мнучки, ты, мол, купаешься часто, тако тебя мать-русалка-то поймает. Она будто-де на берег седет, волосы чешет, патлата-де, мохнатая (Лобанова Юрл.) (Русские: 231). Отметим, что появление термина родства в составе названия демона может быть связано со стремлением человека задобрить персонажа; по народным представлениям, одним из способов защиты человека от демона является кумление или братание с ним (Левкиевская, 1999а: 244). Одним из средств такого братания выступают термины родства, используемые по отношению к персонажам: обозначая демона как своего родственника, человек исключает возможность наступления негативных последствий от контакта с ним.

В Юрлинском районе отмечены еще два названия, не встречающиеся в других локальных традициях края – *кикимора* и *волосатка*: *В воде кикиморы какие-то, русалки хохлатые. Хохлатые – ну, распущенные, нерасчёсанные. Они так-то тоже не кажутся, если уж к уросу, если чё-нибудь получится к нехорошему. Могут задавить, за горло схватить, если мало ли в воде переругаешься* (Юм Юрл.) (ЮК: 319); *Говорили, что котормь волосатка казалась, в реке* (Елога Юрл.) (СРГКПО: 67). Составители этнолингвистического словаря «Славянские древности» указывают, что кикимора – женский мифологический персонаж, «обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям» (Левкиевская, 1999б: 494). Однако другие исследователи пишут о том, что изначально кикимора обитала в лесных болотах, а затем стала переселяться в жилища человека, появляясь там «от болотного мха» (Иванов, 1998: 19). Таким образом, перенос, возможно, произошел по смежности локусов персонажей, т.к. болото является водоемом, а в водоемах, согласно народным верованиям, обитают русалки. С другой стороны, использование слова «кикимора» в качестве номинации русалки может быть связано с тем, что «в поверьях XIX в. и особенно XX в. образ кикиморы часто обезличен: кикиморами могут именоваться самые разнообразные опасные, неприятные и нелюдимые существа» (Власова, 1995: 177), т.е. кикиморой может быть назван любой демонологический персонаж. Таким образом, эта единица указывает на принадлежность русалки к миру демонов.

Единица *волосатка* отражает народные представления об облике персонажа: «распущенные и непокрытые волосы считались <...> характерным признаком женских персонажей нечистой силы: русалок, вил, самовил, ведьм» и выступали знаком их принадлежности к миру демонов (Толстой, Усачева, 1995: 423)

В Карагайском районе зафиксировано еще одно название русалки – *чертиха*, оно образовано от обозначения черта и также указывает на демоническую природу русалки: *Если чертиха чешется – не к добру: волосы чешет, завлекает, потом в воду утянет* (Нердва Караг.) (СПГ 2: 529).

На западе (Очёрский район) и юге (Осинский район) региона в качестве русалку также называют *нечистью*: *Слышала байку о русалке. Мельница водяная ещё работала тогда. Мужик как-то шёл ночью по дороге мимо, видит, что колесо не вертится, зашёл внутрь и увидел там девушку в белом, она расчёсывала волосы. <...>. Чтобы исчезла эта нечисть, перекреститься надо и её перекрестить* (Очёр) (Материалы).

Ряд номинаций русалки, образованных от названий демонов и также маркирующих ее демоническую природу, встречается в других южных районах – Берёзовском (*черташка*), Еловском (*бес, некошной, лобаста*), Куединском (*шайтанка, шутовка*): *Водяная, дак говорят, что черташка. Она выходит, выходит на берег, голову чешет. Это видали её* (Берёзовка) (СРГЮП 3: 351); [Вот иногда, рассказывают, на мельнице девушка сидит и волосы чешет.] *Так это некошной, бес. Это он на мельнице-то. Нужно сказать: «Ангелы со мною, Христос навстречу», – он исчезнет* (Крюково Ел.) (Материалы); *Детей-то мы раньше лобастами пугали* (Крюково Ел.) (СРГЮП 2: 31); *Вот раньше мама рассказывала, они ведь одиночно жили, и говорит: сидит женщина на плотках, волосы чёрные чешет. Шайтанка, кто ли?* (Нижний Тымбай Куед.) (КБ: 22); *На дальнем-то пруду все тонули очень много, дак все говорили, шутовка там их затягиват. Нам наказывали – туда не ходите* (Куеда) (там же).

Пять из перечисленных единиц восходят к названиям черта. Слово *лобаста* происходит из тюркского *albasty, albasti* ‘злой дух’ (Фасмер 1: 69). Так, «у татар албасты (албасти) – огромное, опасное существо. Издали албасты не более собаки, но, приближаясь к человеку, становится величиной со стог. Альбасти (альмасти) таджиков, как и албасты турков, – дух, опасный для родильниц и новорожденных. Албасты киргизов – злой дух рожениц. Однако, по поверьям, подобное существо не только опасно, но и необходимо для появления ребенка на свет» (Власова, 1995: 36). Таким образом, все номинации, указанные в предыдущем абзаце, тоже отражают народные представления о том, что русалка является демоном.

На юге края, в Суксунском районе, в качестве названия русалки используется слово *росомаха*: *Говорили, что <...> у воды и у ключика росомаха живёт: страшная бабка с чёрными космами* (Брёхово Сукс.)

(СРГЮП 3: 47). Единица *росомаха* в диалектном языке имеет семантику 'неаккуратная нечистоплотная женщина, неряха; растрепанная' (СРНГ 35: 188). Таким образом, на основе семы 'женщина с длинными нерасчесанными волосами' развивается значение 'дух-«хозяин» водоема в облике такой женщины'. Следовательно, эта единица, как и слово *волосатка*, отражает народные представления о внешности персонажа.

В традиции Кишертского района встречается название русалки *подружка*: *В Осинцево один шофёр утонул на машине. Бумажку написал: «Меня не ищите, я ушёл к подружке [русалке]». Стало быть, она его заманила. На ремень камень привязал и утонул. Не вытащили его. В озере утонул»* (Меча Киш.) (Материалы). Это название связано с запретом называть любых представителей нечистой силы прямым именем: «в славянской традиции существует запрет называть демона или др. источник опасности “настоящим” именем <...>, вместо него употребляются заместительные имена, в частности деминутивы» (Левкиевская, 1996: 244). Номинация «подружка» отражает стремление человека обозначить демона как своего друга, чтобы таким образом избежать возможного вредоносного воздействия с его стороны. Задабривающая семантика этого эвфемизма усиливается включением в его структуру суффикса субъективной оценки *-к-* с ласкательным значением.

Итак, ареальное исследование обозначений русалки, проведенное с использованием разработанного нами электронного словаря, позволяет сделать следующие выводы. Наибольшее распространение на территории края получила общерусская единица *русалка*, которая фиксируется практически во всех обследованных районах. Некоторые номинации (*чертовка*, *лешачиха*, *водяная (водяная русалка)*, *шишига*, *полудница*) образуют отдельные ареалы. Остальные обозначения русалки нужно считать локальными, т.к. они употребляются лишь в рамках одного конкретного района Пермского края.

Наличие множества локальных названий русалки и отсутствие номинаций, общих для всей территории края (помимо общерусского слова *русалка*), по нашему мнению, свидетельствуют о сильной редукции и постепенном исчезновении представлений об этом персонаже в пермской мифологической традиции. Как показало исследование, общность верований сохраняется лишь на уровне отдельных представлений и не подкрепляется данными диалектного языка. К числу верований, нашедших отражение в номинациях русалки и поддерживающих единство ее образа на территории края, относятся представления о ее демонической природе (*чертовка*, *шайтанка*,

лобаста, лешачиха), о месте ее обитания (*водяная, водяная шишига*), о наличии у нее длинных распущенных волос (*волосатка, росомаха*), о запрете называть ее прямым именем и о необходимости ее задабривать (*мать-русалка, подружка*).

Таковы возможности использования электронного «Словаря мифологической лексики Пермского края» в лингвогеографических исследованиях. Словарь может служить базой и удобным инструментом для составления лингвогеографических карт, посвященных мифологической лексике. Несомненным преимуществом словаря при его использовании для ареальных исследований является возможность двигаться при создании карты как от вокабулы (через раздел **Мифологический персонаж**), так и от географической пометы (через раздел **Географический указатель лексических единиц**). При обоих подходах карта будет составлена намного быстрее, чем при работе с бумажным словарем, т.к. при первом подходе можно автоматически получить перечень всех картографируемых единиц (а не отбирать их методом сплошной выборки), а при втором подходе можно вообще не обращаться к самим словарным статьям, а работать лишь с географическими пометами.

Сокращения

Названия районов Пермского края

Ел. – Еловский

Караг. – Карагайский

Киш. – Кишертский

Краснов. – Красновишерский

Куед. – Куединский

Кунг. – Кунгурский

Сив. – Сивинский

Сол. – Соликамский

Сукс. – Суксунский

Юрл. – Юрлинский

Юсьв. – Юсьвинский

Источники/Sources

ББ – Шумов, К.Э. (Сост.). (1991). *Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье*. Пермь: Пермское книжное издательство. (In Russian.)

ВС – Подюков, И.А. и др. (Сост.). (2002) *Вишерская старина: сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района*. Пермь: Издательство ПРИПИТ. (In Russian.)

- КБ – Черных, А.В. (Сост.). (2004). *Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв.* Пермь: Издательство ПОНИЦАА. (In Russian.)
- Русские – Бахматов, А.А. и др. (Сост.). (2008). *Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования.* Пермь: От и до. (In Russian.)
- СПГ – Борисова, А.Н. и др. (Ред.). (2002). *Словарь пермских говоров.* Вып. 2. Пермь: Книжный мир. (In Russian.)
- СРГКПО – Подюков, И.А. (Ред.). (2006). *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа.* Пермь: Издательство ПОНИЦАА. (In Russian.)
- СРГСПК 1 – Русинова, И.И. (Гл. ед.) (2011). *Словарь русских говоров севера Пермского края.* Вып. 1: А–В. Пермь: Издательство Перм. гос. ун-та. (In Russian.)
- СРГЮП – Подюков, И.А. (Науч. ред.). (2012). *Словарь русских говоров Южного Прикамья.* Вып. 2–3. Пермь: Издательство Перм. гос. пед. ун-та. (In Russian.)
- ЮК – Бахматов, А.А., Подюков, И.А., Хоробрых, С.В., Черных, А.В. (2003). *Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.* Кудымкар: Коми-Перм. кн. издательство. (In Russian.)

Литература/References

- Агапкина, Т.А. (2002). *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл.* Москва: Индрик [Agapkina, T.A. (2002). *Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle.* Moscow: Indrik]. (In Russian.)
- Белова, О.В. (2006). *Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование):* Диссертация доктора филологических наук. Москва: Институт славяноведения РАН [Belova, O'l'ga V. (2006). *Ethnic stereotypes according to the language and folk culture of the Slavs (ethnolinguistic research):* Thesis of Doctor of sciences. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS]. (In Russian.)
- Березович, Е.Л., Виноградова, Л.Н. (2012). Черт. В: Толстой, Н.И., Толстая, С.М. (Ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь, Т. 5.* Москва: Международные отношения [Berezovich, E.L., Vinogradova, L.N. (2012). Devil. In: Tolstoy, N.I., Tolstaia, S.M. (Eds.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, Vol. 5.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 519-527. (In Russian.)
- Фасмер, М. (Сост.). (1986). *Этимологический словарь русского языка, Т. 1.* Москва: Прогресс [Fasmer, M. (Compl.) (1986). *Etymological dictionary of the Russian language, Vol. 1.* Moscow: Progress]. (In Russian.)
- Гура, А.В. (2011). *Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика.* Москва: Индрик [Gura, A.V. (2011). *Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism.* Moscow: Indrik]. (In Russian.)
- Гура, А.В., Терновская, О.А., Толстая, С.М. (Сост.). (1998). Программа полесского этнолингвистического атласа. В: Толстой, Н.И. (Отв. ред.). *Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования.* Москва: Наука [Gura, A.V., Ternovskaia, O.A., Tolstaia, S.M. (Compls.).

- (1983). Program of the Polesia ethnolinguistic Atlas. In: Tolstoy, N.I. (Ed.). *Polesie ethnolinguistic collection. Materials and research*. Moscow: Nauka]. 21-46. (In Russian.)
- Гура, А.В. (1997). *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик [Gura, A.V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik]. (In Russian.)
- Иванов, В.В. (1998). *Русский мифологион*. Петрозаводск: Издательство КГПУ [Ivanov, V.V. (1998). *Russian mythology*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo KGPU]. (In Russian.)
- Левкиевская, Е.Е. (1999б). Кикимора. В: Толстой, Н.И., Толстая, С.М. (Ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь, Т. 2*. Москва: Международные отношения [Levkievskaja, Elena E. (1999b). Kikimora. In: Tolstoy, N.I., Tolstaia, S.M. (Eds.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, Vol. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 494-496. (In Russian.)
- Левкиевская, Е.Е. (2004). Леший. В: Толстой, Н.И., Толстая, С.М. (Ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь, Т. 3*. Москва: Международные отношения [Levkievskaja, E.E. (2004). [Wood Goblin. In: Tolstoy, N.I., Tolstaia, S.M. (Eds.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, Vol. 3*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 104-108. (In Russian.)
- Левкиевская, Е.Е. (2009). Полудница. В: Толстой, Н.И., Толстая, С.М. (Ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь, Т. 4*. Москва: Международные отношения [Levkievskaja, E.E. (2009) Poludnitsa. In: Tolstoy, N.I., Tolstaia, S.M. (Eds.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, Vol. 4*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 154-156. (In Russian.)
- Левкиевская, Е.Е. (2007). *Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика*: Диссертация доктора филологических наук. Москва: Институт славяноведения РАН [Levkievskaja, E.E. (2007). *East Slavic mythological text: semantics, dialectology, pragmatics*: Thesis of Doctor of sciences. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS]. (In Russian.)
- Левкиевская, Е.Е. (1999а). Задабривать. В: Толстой, Н.И., Толстая, С.М. (Ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь, Т. 2*. Москва: Международные отношения [Levkievskaja, E.E. (1999a). Cajole. In: Tolstoy, N.I., Tolstaia (Eds.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, Vol. 2*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 244-246. (In Russian.)
- Новичкова, Т.А. (1995). *Русский демонологический словарь*. Санкт-Петербург: Петербургский писатель [Novichkova, T.A. (1995). *Russian demonological dictionary*. St. Petersburg: Peterburgskij pisatel']. (In Russian.)
- Попов, И.А. (1974). *Лексический атлас русских народных говоров (Перспект)*. Ленинград: Наука [Popov, I.A. (1974). *Lexical atlas of Russian folk dialects (Prospectus)*. Leningrad: Nauka]. (In Russian.)
- Попов, И.А. (Отв. ред.) (1994). *Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров*. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН [Popov, I.A. (Ed.) (1994). *The program for collecting information for the lexical atlas of Russian folk dialects*. St. Petersburg: ILI RAN]. (In Russian.)

- Русинова, И.И., Черных, А.В., Шумов, К.Э., Королёва, С.Ю. (Сост.). (2019). *Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами*. Санкт-Петербург: Маматов [Rusinova, I.I., Chernyh, A.V., Shumov, K.E., Korolyova, S.Yu. (Compls.). (2019). *Ethnodialect dictionary of mythological stories of the Perm region. Part 1: People with supernatural properties*. St. Petersburg: Mamatov]. (In Russian.)
- Сороколетов, Ф.П. (Гл. ред.). (2001). *Словарь русских народных говоров, Вып. 35*. Санкт-Петербург: Наука [Sorokoletov, F.P. (Ed.). (2001). *Dictionary of Russian folk dialects, Vol. 35*. St. Petersburg: Nauka]. (In Russian.)
- Толстая, С.М. (2007). Полесские экспедиции. В: Аксенова, Е.П. (Отв. ред.) *Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения*. Москва: Издательство Института славяноведения РАН [Tolstaia, S.M. (2007). Polesie expeditions. In: Aksenova, E.P. (Ed.). *How it was ... Memoirs of the staff of the Institute of Slavic Studies*. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN]. 89–99. (In Russian.)
- Толстая, С.М. (2005). *Полесский народный календарь*. Москва: Индрик [Tolstaia, S.M. (2005). *Polesie folk calendar*. Moscow: Indrik]. (In Russian.)
- Толстой, Н.И. (Отв. ред.) (1986). *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*. Москва: Наука [Tolstoy, N.I. (Ed.) (1986). *Slavic and Balkan folklore. Spiritual culture of Polissya against a common Slavic background*. Moscow: Nauka]. (In Russian.)
- Толстой, Н.И. (Отв. ред.) (1995). *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*. Москва: Наука [Tolstoy, N.I. (Ed.) (1995). *Slavic and Balkan folklore. Ethnolinguistic study of Polesie*. Moscow: Nauka]. (In Russian.)
- Толстой, Н.И., Усачева, В.В. (1995). Волосы. В: Толстой, Н.И., Толстая, С.М. (Ред.). *Славянские древности: этнолингвистический словарь, Т. 1*. Москва: Международные отношения [Tolstoy, N.I., Usacheva, V.V. (1995). Hair. In: Tolstoy, N.I., Tolstaia, S.M. (Eds.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, Vol. 1*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 420-424. (In Russian.)
- Виноградова, Л.Н. (2000). *Народная демонология и мифоритуальная традиция славян*. Москва: Индрик [Vinogradova, L.N. (2000). *Folk demonology and myth-ritual tradition of the Slavs*. Moscow: Indrik]. (In Russian.)
- Виноградова, Л.Н. (2009). Русалка. В: Толстой, Н.И., Толстая, С.М. (Ред.) *Славянские древности: этнолингвистический словарь, Т. 4*. Москва: Международные отношения [Vinogradova, L.N. (2009). Mermaid. In: Tolstoy, N.I., Tolstaia, S.M. (Eds.). *Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary, Vol. 4*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 495-501. (In Russian.)
- Виноградова, Л.Н., Толстая, С.М. и др. (1989). Схема описания мифологических персонажей. В: Виноградова, Л.Н. (Ред.). *Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы*. Москва: Издательство Института славяноведения и балканистики АН СССР [Vinogradova, L.N., Tolstaia, S.M. et al. (1989). Scheme for describing mythological characters. In: Vinogradova, L.N. (Ed.). *Materials for the VI International Congress for the Study of South-Eastern Europe*. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS]. 78-85. (In Russian.)

- Власова, М.Н. (1995). *Новая АБЕВЕГА русских суеверий*. Санкт-Петербург: Северо-Запад [Vlasova, M.N. (1995). *New ABEVEGA of Russian superstitions*. Saint-Petersburg: Severo-Zapad]. (In Russian.)
- Журавлев, А.Ф. (1994). *Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки*. Москва: Индрик [Zhuravlev, A.F. (1994). *Livestock in the beliefs and magic of the Eastern Slavs. Ethnographic and ethnolinguistic essays*. Moscow: Indrik]. (In Russian.)